

В. В. Павлова

Белорусский государственный университет, Минск

V. V. Pavlova

Belarusian State University, Minsk

УДК 179.3

БЛАГО ЖИВОТНОГО КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В ЭТИКЕ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ

ANIMAL WELFARE AS THE HIGHEST VALUE IN THE ANIMAL ETHICS

Статья посвящена обоснованию высшей ценности в этике отношения к животным, которой является благо животного. Показано, почему такие устоявшиеся в этико-философских концепциях ценности, как сострадание, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм, являются антропоцентрическими и не учитывают благо самого животного. Благо животного состоит в минимизации ущерба для него или в реальном изменении качества жизни животного в лучшую сторону.

Ключевые слова: этика отношения к животным; высшая ценность; благо животных; антропоцентризм; гуманизм; сострадание; справедливость; альтруизм; права животных.

The article is devoted to the substantiation of the highest value in the ethics of treating animals, which is the welfare of the animal. The article shows why values such as compassion, humanism, justice, animal rights, and altruism, which are well-established in ethical and philosophical concepts, are anthropocentric and do not take into account the welfare of the animal itself. The welfare of the animal is to minimize damage to it or to actually change the animal's quality of life for the better.

Keywords: animal ethics; the highest value; animal welfare; anthropocentrism; humanism; compassion; justice; altruism; animal rights.

Стремление к нравственному обращению с животными является широко распространенной и одобряемой в обществе практикой. В качестве теоретического базиса для облегчения морального выбора в различных ситуациях этика отношения к животным предлагает ценности, на основе которых разворачивается моральная аргументация и обосновываются нравственные поступки. Категориальным центром этики отношения к животным в таких случаях выступает высшая ценность, принятая как основной нравственный ориентир всякого морального акта.

Однако варианты такой ценности, предлагаемые современной этико-философской мыслью, представляются неэффективными для решения прикладных задач. Обоснование блага животных как новой высшей ценности этики отношения к животным является целью данной статьи.

На сегодняшний день аксиологическая структура этики отношения к животным включает устоявшийся набор этических ценностей: сострадание (жалость) к животным, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм, т. е. категории, характеризующие нравственные отношения меж-

ду людьми, в этико-философских учениях переносятся на отношение к животным. Так, в основу этики «благоговения перед жизнью» А. Швейцера [1] была положена ценность сострадания; христианская этика распространила на животных понятие альтруизма; гуманное отношение к животным стало основой биомедицинской этики, этика утилитаризма включила животных в расчет справедливого распределения благ, а правовые подходы строятся вокруг ценности прав животных. Однако, будучи основой теоретических этических учений, эти ценности практически не подвергаются критическому анализу и берутся как данность. Не подвергается сомнению их уместность при применении к новому типу моральных отношений – моральных отношений с животным.

Необходимость переосмысления ценностей этики отношения к животным назрела еще в момент отказа биоэтики от антропоцентрических установок. Переход к новой парадигме состоял в пересмотре статуса животного в философии и этике (утвердился статус «не-человеческого животного»), однако он не затронул аксиологические аспекты проблемы. Критерием этического отношения к животным осталась приверженность изначальным и всё еще антропоцентрическим ценностям. Именно в несоответствии между новым моральным статусом животного и высшей ценностью этики отношения к животным кроется противоречие: в попытке уравнивать моральный статус человека и животного, т. е. фактически включить последних *в единую этическую систему координат*, нравственность поступков продолжает оцениваться только лишь с позиции человека.

Современная этика отношения к животным стоит на позиции, что этика и мораль – явления исключительно человеческие. Для животного, даже социально адаптированного и интеллектуального, чужды любые нравственные понятия и категории. Потому человекомерность всей этики кажется естественным и единственно возможным условием любого нравственного отношения к животному. Тем не менее исключительная антропная природа этики не налагает ограничений в определении высшей ценности с обязательной привязкой к самому человеку и обществу. Например, экологическая этика уже продемонстрировала, что «природа» или «биоразнообразие» могут стать центральной ценностью этики, в которой привилегированное положение человека как морального агента не есть основание для нормативных и ценностных предпочтений для него [2].

Представляется, что этика отношения к животным с необходимостью должна пройти тот же путь трансформации ценностного ядра, чтобы соответствовать своей же нон-антропоцентрической позиции. Потому как ценности сострадания (жалости) к животным, гуманизма, справедливости, прав животных, альтруизма не отвечают либо частично отвечают требованиям актуальной этики отношения к животным и ее задачам.

Так, моральное требование проявлять жалость и сострадание к животным исходит не столько из человеческих моральных чувств, сколько явля-

ется отражением опыта собственного страдания либо опытом включенного наблюдения за страданиями другого человека. Память о собственной физической и нефизической боли является скорее психоэмоциональным явлением, чем нравственным чувством, а сам процесс сострадания и жалости становится переносом этого опыта. Если утвердить эмпатию как моральное основание для проявления сострадания к животным, то сама ценность сострадания будет напрямую зависеть от личности человека и его индивидуальной способности к выражению сострадания. Даже признав для себя сострадание как высшую ценность, человек не всегда способен адекватно реализовать свое нравственное отношение в соответствии с этой ценностью, а не со своим прошлым травматическим опытом. Маловероятно, что его способ проявления этического отношения к животным будет иметь к самому животному прямое отношение, а не обслуживать собственные переживания.

Гуманизм в принципе изначально направлен на заботу именно о человеке. Главный критерий нравственной оценки любых действий – благо человека. Гуманизм утверждает доброту к ближнему, уважение чести и достоинства человека, свободу и ценность человеческой жизни как важнейшие нравственные установки. Эта открыто антропоцентрическая позиция парадоксальным образом обрела большую популярность и среди защитников животных как ключевая ценность большого числа этико-философских воззрений, особенно в биоэтике [3]. Распространенность упоминания гуманизма как высшей или сопутствующей ценности в этике отношения к животным привела к размыванию его сущности, девальвации, вплоть до формального упоминания для придания веса моральным требованиям. В теоретическом плане ценность «гуманного отношения к животным» сомнительна, и еще больше вопросов появляется при попытке реализации этой ценности на практике.

Альтруизм как ценность предполагает, что человек безвозмездно делится своими благами с животным из нравственных побуждений. Самоотверженность человека является обязательным условием альтруизма, а животные как объект нравственного поступка уместно вписываются в структуру нравственных отношений. Более того, общая биологическая природа альтруизма человека и животного [4] может стать весомым основанием для принятия альтруизма как высшей ценности этики отношения к животным, и с точки зрения теоретической этики такой выбор кажется обоснованным. Тем не менее альтруизм как абстрактная ценность не уточняет характер благ, которыми человек должен жертвовать ради животных. Моральное требование предписывает добровольный отказ от необходимых человеку благ, однако не учитывает нужду животных в этих благах. Если самоограничение человека оказалось неуместным или напрасным, альтруизм превращается в аскетизм, а сами животные при этом оказываются за пределами структуры нравственного поступка.

Права животных как высшая ценность вызывают споры даже среди самих представителей этико-правового подхода. С теоретической позиции наделение животных правами свидетельствует о несомненном признании за ними высокого морального (и, как следствие, юридического) статуса, что в конечном итоге является проявлением этического отношения к животным. Правовое обеспечение животных признает за ними возможность не быть человеческой собственностью, иметь свои интересы и возможность их защищать, заявлять о своей свободе действий и независимости от человеческих (общественных) потребностей. Однако наделение животных правами сопряжено с определенными трудностями как формально-юридического, так и философско-правового характера. Ценность прав не является абстрактной, она нуждается в детализации и конкретике: перечне прав, их категоризации, четком определении субъекта прав, источнике этих прав, границах и условиях вступления этих прав в силу, их взаимосвязях с правами других животных и правами человека. Отдельно поднимается вопрос об обратной стороне правообладания – ответственности, которая может или должна быть у животных. Дискуссия вокруг этих теоретически значимых аспектов правового статуса животных не позволяет отнести к правам животных как к этической ценности, пока эта ценность не получит обоснованной значимости по крайней мере внутри правового дискурса. В противном случае наделение правами животных будет очередной попыткой человека включить их в мир чисто человеческих социальных отношений и институтов, что равно навязыванию животным несвойственного им механизма организации взаимоотношений, вплоть до попытки изменения устоявшихся биосистем (например, при этически обоснованном принудительном переводе людей и всеядных животных на вегетарианскую диету). Вопросы практической реализации прав животных представляют собой отдельную проблему прикладной этики.

Справедливость в отношении животных также восходит к концепции прав животных. Как высшая ценность справедливость диктует такое отношение ко всем живым существам, которое бы могло удовлетворить их потребности в соответствии с заслугами либо в равной степени. Справедливость как честность в социально-политической концепции Дж. Ролза [5] и вовсе предполагает возможность изначального включения животных в число субъектов при распределении общественных благ. Ценность справедливости основана не только на идее всеобщего баланса интересов, но и открыто оперирует к нуждам самих животных. Принятие справедливости в качестве высшей ценности, несомненно, было бы предпочтительным для этики отношения к животным. Однако как отдельная этико-философская дисциплина она нуждается в собственном ценностном фундаменте, отвечающем ее специфике.

Этика отношения к животным в нравственных ситуациях прибегает к сильной реконструкции субъективного представления о ситуации с по-

зиции самого животного. Это значит, что моральность человеческого (общественного) поступка по отношению к животному будет определяться не мотивами, собственными принципами или нормами человека и общества, а степенью соразмерности нравственного поступка человека с прагматикой поведения, намерениями, ожиданиями животного в данный момент, а также обязательным благоприятным результатом для самого животного. Для реализации этики отношения к животным на практике необходимо отказаться от антропоцентрических позиций гуманизма, патернализма или сострадания к животным и обратиться к приоритету *блага животного* как основной ценности и центрального понятия рассматриваемой этической дисциплины.

Благо животных предполагает такое разрешение нравственной ситуации, конечный результат которого будет соответствовать как минимум одному из критериев:

1) животное не понесет никакого физического и нефизического (стресс, страх, дезадаптация и т. д.) ущерба либо этот ущерб заранее будет целенаправленно минимизирован;

2) безопасность, комфорт и качество жизни животного в итоге возрастут.

Трактовка блага животного как оптимальной полезности осуществляется на основе идей утилитаризма и применима в случаях, когда животное уравнивается (максимально приближается) в моральном статусе с человеком. В этом случае с позиции животного нравственный поступок человека может быть интерпретирован как состояние безопасного доступа к ресурсам любого рода и доступ к свободному выбору и действиям. Например, разграничение общественных и личных пространств на зоны, свободные от животных и открытые для совместного пользования, практика организации специализированного питания животных, выработка режима совместного проживания или работы, соблюдение личных границ и т. п. – всё это позволяет животным и человеку взаимно приспособиться друг к другу, налагая ограничения и предоставляя возможности для волеизъявления двух сторон. Понятно организованная, предсказуемая и потому безопасная среда обитания животного в пространстве человека (и наоборот) является благом в том смысле, что представляет собой новый тип естественных условий для животных, где в круг постоянных контактов изначально включен человек.

Благо животных как минимизация ущерба будет нравственным поведением в ситуациях, когда животное обладает более низким в сравнении с человеком моральным статусом. Например, если животное намеренно эксплуатируется человеком и это вмешательство превышает адаптационные возможности животного либо наносит прямой вред его здоровью. В такой ситуации сострадание может исказить представление о положении животного и его субъективном восприятии собственного положения, подменив опыт животного личным опытом человека. Напротив, благом будет являться эффективный и бережный менеджмент эксплуатируе-

мых животных. Если ситуации эксплуатации не избежать, то благом для животного будет, например, упорядочивание циклов контролируемого вмешательства, восстановления и покоя со стороны человека при полном обеспечении базовых жизненных потребностей. В этом плане распространённый интуитивный моральный механизм «вознаграждения за страдания» строится на человеческом представлении о принципиальной возможности моральной компенсации, платой за вину или символическим откупом за совершенное действие (бездействие). Всё это категории, недоступные для понимания для самих животных и не несущие им существенного облегчения положения. Потому нравственным поступком будет отказ от подобных установок и реализация этики отношения к животным в практиках, понятных им самим.

Благо животных как повышение уровня безопасности, комфорта и качества жизни – это форма альтруизма, распространённая на другие виды живых существ. Благожелательное деятельное отношение к животным в этом случае будет этичным только тогда, когда результат нравственного поступка будет реально ощутимым для животного безотносительно того, опознает ли животное человека как источник этого блага. Если субъективное ощущение комфорта у животного возрастает в результате действий (бездействий) человека, то такое поведение можно считать в полной мере этичным по отношению к животному.

Опора на понятие блага животных, в отличие от человекомерных моральных принципов, не рассматривает в структуре нравственного поступка мотив как его обязательную составляющую. Другими словами, действие сообразно благу животного не исключает привычные антропоцентрические этические мотивы, равно как и их наличие не гарантирует нравственность поступка в соответствии с этикой отношения к животным.

Таким образом, устоявшиеся ценности в области отношения к животным – сострадание (жалость) к животным, гуманизм, справедливость, права животных, альтруизм – не являются убедительно обоснованными или необходимыми для реализации нравственного отношения к животным. Основанием этики отношения к животным должно стать благо животного как высшая ценность. Благо животного состоит в минимизации ущерба для него или в реальном изменении качества жизни животного в лучшую сторону, в наблюдаемых позитивных последствиях поступков человека. Нравственным будет тот поступок, который способствует максимизации блага для животного, а не обслуживает моральные чувства и мотивы человека (общества). Важным является итог действия (бездействия) для самого животного. Это означает, что поступать этично по отношению к животному становится возможным не только из моральных чувств (долга, сострадания, совести, жалости и т. п.), но и основываясь на прагматических соображениях.

Список использованных источников

1. Швейцгер, А. Благоговение перед жизнью / сост. и посл. А. А. Гусейнова; общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – Москва: Прогресс, 1992. – 576 с.
2. Апресян, Р. Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. – 2010. – № 10. – С. 5–19.
3. Ковалева, Т. В. Гуманизм как основная биоэтическая категория при работе с животными в медицине / Т. В. Ковалева, Л. Б. Захарова, Е. Н. Парийская // Zoophilologica. – 2021. – Т. 1, № 7. – 12 с.
4. Глазунова, К. Н. К вопросу об альтруизме у животных и людей / К. Н. Глазунова, Л. С. Ембулаева // Научный журнал «Эпомен». – 2018. – № 16. – С. 32–38.
5. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз; пер. с англ. В. Целищева, В. Карпович, А. Шевченко. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 500 с.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

К. В. Севастов

Республиканский институт высшей школы, Минск

K. V. Sevastov

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 101.1:316+130.2

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: БАЗОВЫЙ КОНФЛИКТ И РАСЦВЕТ СУБЪЕКТНОСТИ

POST-NON-CLASSICAL EDUCATION STRATEGY: BASIC CONFLICT AND THE FLOURISHMENT OF SUBJECTIVITY

В условиях стремительных изменений, вызванных глобализацией, цифровизацией и культурной диверсификацией, традиционные подходы к обучению и воспитанию подвергаются критическому пересмотру. Постнеклассическая культура акцентирует внимание на многообразии знаний и их контекстуальности, что требует от образовательного процесса гибкости и адаптивности. В этом контексте важным становится не только усвоение фактической информации, но и развитие критического мышления, креативности и способности к самообразованию. В статье анализируется феномен образования в контексте постнеклассической культуры, его переоценка в условиях общекультурных изменений, а также трансформация роли субъекта в образовательном процессе, основанном на постнеклассической стратегии образования.

Ключевые слова: постнеклассическая культура; стратегия образования; знание; информация; авторитетность; традиционность; преемственность.

In the context of rapid changes caused by globalization, digitalization and cultural diversification, traditional approaches to teaching and upbringing are being critically reviewed. Post-non-classical culture emphasizes the diversity of knowledge and its contextuality, which requires flexibility and adaptability from the educational process. In this context, it is important not only to assimilate factual information, but also to develop critical thinking, creativity and the ability to self-educate. Thus, the article analyzes the phenomenon of education in the context of post-